

Ду Ицзэ резко открыл глаза и увидел, что Ли Миньюй пристально смотрит на него своими большими, как колокольчики, чёрными глазами. Медленно поднявшись, он взял бутылку минеральной воды с тумбочки, сел на край кровати и спросил:

— Хочешь воды?

— Иди к чёрту! — выругался Ли Миньюй, наклонив голову и посмотрев вниз. Ду Ицзэ, неизвестно откуда взявшийся, обмотал его скотчем, привязав к кровати.

— Чёрт побери, отпусти меня! — начал яростно дёргаться Ли Миньюй. Из-за того что Ду Ицзэ обмотал его плотно, словно мумию, пространство для движения было крайне ограничено. В попытке повернуться он сорвал с себя несколько волосков, от чего не смог сдержать громкого крика.

Ду Ицзэ терпеливо сидел рядом, спокойно наблюдая за ним, будто за ребёнком, устроившим истерику у витрины магазина. Когда Ли Миньюй наконец устал, он снова спросил:

— Хочешь воды?

— Отпусти меня, тогда и выпью.

Ду Ицзэ закрутил крышку и поставил бутылку обратно на тумбочку.

— А ты ведь убежишь.

Ли Миньюй фыркнул:

— Ты совсем охренел? Ты ведь уже получил то, что хотел. Зачем тебе держать меня связанным?

Если бы Ду Ицзэ сейчас сказал, что оставляет его, чтобы тот не погиб, Ли Миньюй непременно воспользовался бы моментом, чтобы высмеять его. Поэтому Ду Ицзэ нашёл хороший предлог:

— Ты действительно бесполезен, но если я тебя отпущу, ты тут же приведёшь Гу Е, чтобы схватить меня.

Ли Миньюй стиснул зубы и злобно прорычал:

— Ты тоже связан с бандами?

Убийца и бандит — не совсем одно и то же. Ду Ицзэ не стал напрямую отрицать, лишь сказал:

— Вроде того.

— С какой ты банды?

— Сам по себе.

— Не носи чушь! Как ты можешь быть сам по себе? — Ли Миньюй нахмурился, его густые брови сомкнулись в перевёрнутую восьмёрку. — Сколько у тебя сообщников?

— Почему я не могу быть сам по себе?

— Ду, тебе не нужно продолжать врать — ведь я же бесполезен для тебя, верно? — Говоря это, Ли Миньюй скривил лицо, и, если бы не был приклеен к кровати, наверняка бросился бы на Ду Ицзэ с кулаками. Тот внимательно посмотрел на его разгневанное лицо и, поняв, что Ли Миньюй не верит ни слову, схватил руками воротник своей футболки и начал стягивать её через голову.

Ли Миньюй заёрзал на кровати, в его голосе прозвучала тревога:

— Что ты делаешь?

Футболка застряла на локтях Ду Ицзэ, обнажив его рельефный пресс. Белая кожа мелькнула перед глазами Ли Миньюя.

— Чёрт! Не раздевайся! Оденься и говори нормально! Не раздевайся!

Ду Ицзэ пропустил его слова мимо ушей, снял футболку и, обнажив верхнюю часть тела, опёрся одной рукой о кровать рядом с головой Ли Миньюя, слегка наклонившись и глядя на него сверху вниз.

Ли Миньюй, ещё секунду назад ругавшийся, замолчал, словно получил удар в грудь. Его взгляд упал на тело Ду Ицзэ, покрытое шрамами.

— Если бы у меня действительно были сообщники, я бы не оказался в таком положении.

Тело Ду Ицзэ было идеальным, но вид шрамов заставил Ли Миньюя почувствовать, будто его окатили ледяной водой. Кожа Ду Ицзэ была бледной, но покрытой старыми и новыми рубцами. Ранение от пули на левом плече выглядело как комок грязи, случайно попавший на кожу.

Помимо пулевых ран, были и более заметные следы от ножевых порезов, швы после операций извивались по его прессу, словно ползущие сороконожки.

Ли Миньюй внезапно вспомнил, как однажды наносил мазь на спину Ду Ицзэ. Тогда он беспокоился, что следы от ремня и бамбуковой метлы, оставленные отцом Ду, не исчезнут. Теперь же он понимал, что шрамы взрослой жизни куда более неизгладимы.

Он не хотел верить словам Ду Ицзэ, но шрамы говорили сами за себя. Как обычный человек мог иметь такие раны?

— Ты думаешь, мне нравится жить на лезвии ножа? — Ду Ицзэ провёл пальцами по слегка выпуклым рубцам на груди, будто не чувствуя боли и не жалуясь на свою судьбу.

Люди верят в то, во что хотят верить. Ли Миньюй даже не заметил, как его голос задрожал:

— Тебя вынудили, да?

— А Юй, ты ведь меня знаешь. Ты думаешь, это та жизнь, о которой я мечтал?

Ли Миньюй отвернулся, но его глаза наполнились теплотой. Гнев, словно лопнувший шар, угас. В его ушах прозвучал детский, но твёрдый голос:

— А Юй, в будущем у нас будет лучше, чем у всех!

Да, раньше Ду Ицзэ всегда был в центре внимания. Ли Миньюй с самого начала понимал, что они с Ду Ицзэ — разные, но в одном он был уверен: Ду Ицзэ не был счастлив. Иначе он бы проводил время с такими же отличниками, а не приходил каждую ночь к нему домой.

У всех есть склонность выбирать лучшее, иначе откуда бы взялись элитные классы?

Ду Ицзэ, конечно, не отказывался от лучшего, просто у него не было друзей, и он был очень одинок.

Ли Миньюй никому не отказывал, и когда Ду Ицзэ приходил к нему, он чувствовал себя польщённым. Его спасительский комплекс заставлял его тянуть Ду Ицзэ назад, в нормальный, обычный мир.

Они были просто двумя мальчиками из разных миров, случайно оказавшимися на одной дороге.

В этом ярком мире Ли Миньюй нашёл своё место. Хотя он тоже получил немало ран, вокруг него всегда были младшие, которые заботились о нём. А Ду Ицзэ, оставшись один, получал раны и лежал в одиночестве. Разве он не чувствовал себя одиноким?

Ду Ицзэ, словно читая его мысли, глухо произнёс:

— Может, ты не поймёшь, но мне тоже нужно выживать.

Как Ли Миньюй мог не понять? Он сам прошёл через это. Желание выжить превыше всего. Он был ребёнком, найденным у дверей приюта, завернутым в тонкую пелёнку, замёрзшим и едва

дышавшим в снегу.

В конце концов, он был просто сиротой, даже не знавшим своего дня рождения. Он всегда хотел быть героем в приюте, защитником, поэтому заставлял других детей подчиняться ему. Но он поздно начал говорить, поэтому, когда не мог объяснить, просто гонялся за ними.

Когда бабушка Ли пришла забрать его, директор приюта пытался уговорить её выбрать более спокойного и послушного ребёнка.

Но она просто взяла его за руку, погладила по голове и сказала:

— Что тут такого? Это же проявление энергии!

Ли Минъюй знал, как трудно выжить, поэтому дорожил жизнью, даже если приходилось идти на компромиссы и унижения.

Ду Ицзэ когда-то тоже обладал таким же сильным желанием выжить. Оно помогло ему выжить в лагере, пройти через армию и успешно «закончить» тренировочный лагерь. Возможно, из-за того что он слишком сильно полагался на это желание, годы борьбы притупили его чувства, и он стал равнодушным, даже привык к тому, что с работодателями можно играть в игры.

Он не боялся смерти — для убийцы это не плохо, но это не значит, что он готов бросаться под пули. Иначе стоило бы задуматься, не страдает ли он депрессией. Он также был хорошим актёром, знал, когда и что сказать, чтобы добиться цели. Иногда, просыпаясь утром, он чувствовал, что мог бы собрать вещи и начать новую жизнь под другим именем.

Хотя в его планах пока не было места для Ли Минъюя, ему всё же нужна была его помощь. И, как у большинства людей, у Ли Минъюя был слабый пункт — его мягкость.

<http://bllate.org/book/15266/1347262>